

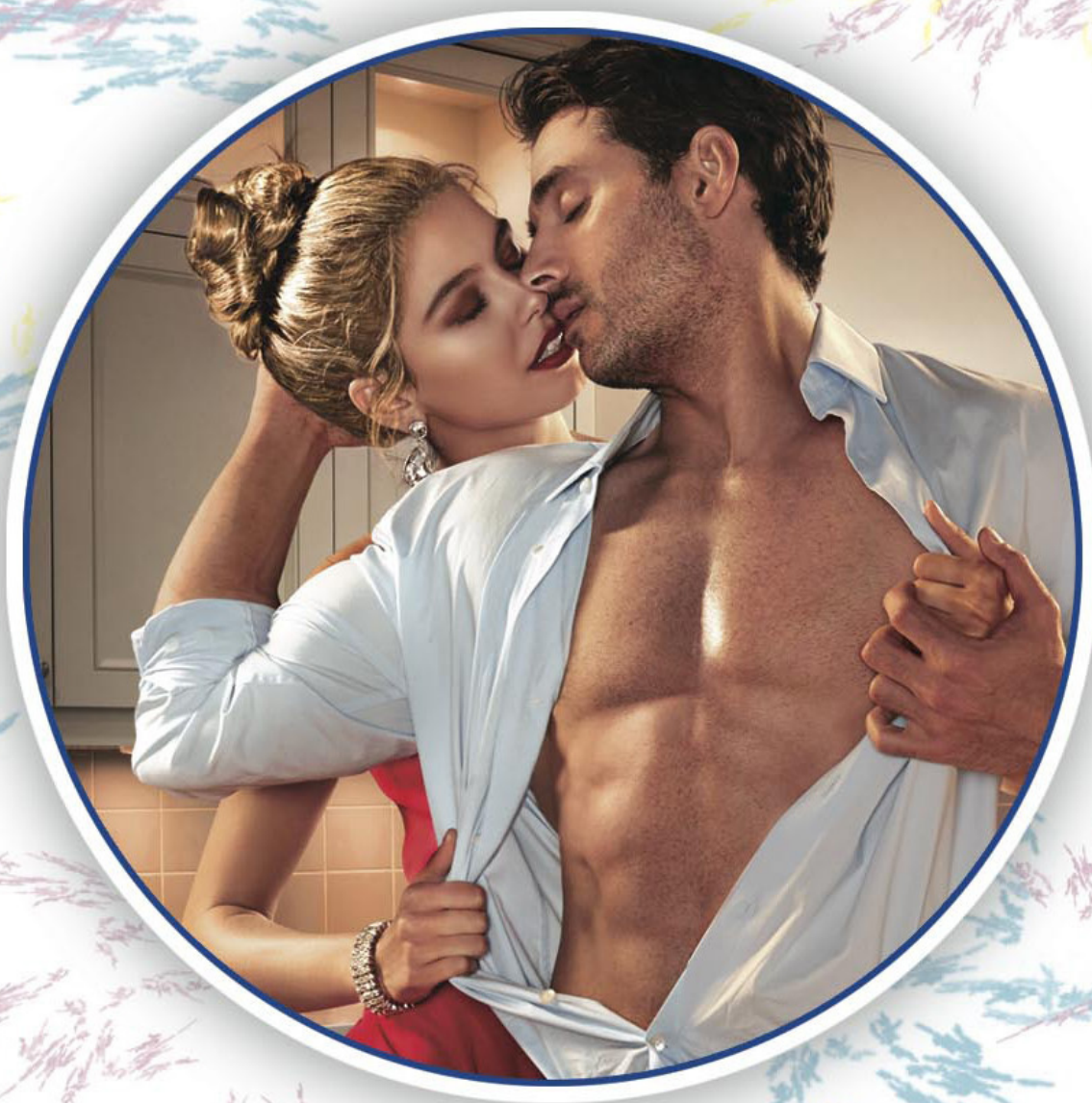
0883

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Сара М. Андерсон
**ПРИЗНАЙСЯ
В СВОЕМ ЖЕЛАНИИ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Сара Андерсон

Признайся в своем желании

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Андерсон С. М.

Признайся в своем желании / С. М. Андерсон —
«Центрполиграф», 2018 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08507-8

Жизнь Рене Престон внезапно переворачивается: ее отец и брат арестованы за мошенничество, муж покончил с собой, друзья отвернулись, она беременна, а по пятам идет дурная слава. Куда от этого сбежать? Рене вспоминает о подруге детства, живущей в Техасе. Но, приехав туда, она застаёт лишь ее брата Оливера Лоуренса. Он соглашается помочь Рене, даже зная, что это может навредить его бизнесу и семье. Вот только Рене не готова принять такую жертву.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08507-8

© Андерсон С. М., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сара М. Андерсон

Признайся в своем желании

Sarah M. Anderson
HIS BEST FRIEND'S SISTER

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A. Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены. Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Серия «Любовный роман»

© 2018 by Sarah M. Anderson

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1

– Надо же, а я думала, ты ненавидишь родео! Этот сладкий голос! Хотя теперь он стал более глубоким, звучным. Оливер Лоуренс мгновенно узнал его. В памяти всплыли воспоминания о смехе, улыбках. Оливер уже и не помнил, когда последний раз весело проводил время.

– Но все эти фото сняты на родео, – продолжал тот же голос, и в нем чувствовалась улыбка. Рене Престон всегда улыбалась ему. Даже когда Оливер этого не заслуживал.

Это невозможно! Ее не может быть тут! Он поднял голову. Рене Престон и в самом деле находилась в его кабинете.

Хотя она стояла спиной к Оливеру, изучая висящие на стене фотографии в рамках, он все равно ее узнал. Светлые волосы золотого оттенка изящными волнами сбегали с плеч, струились по темно-синему платью, подчеркивающему красивые изгибы ее фигуры.

Он не видел Рене уже много лет. Как он вообще смог ее сейчас узнать? Эта неожиданная встреча с ней – словно удар под дых. Оливер в ошеломлении думал об одном: «Надеюсь, Рене – настоящая, а не галлюцинация». Учитывая то, сколько головной боли причиняло ему сейчас руководство компанией «Лоуренс индастриз», он не удивился бы, если его разум вдруг решил сыграть с ним злую шутку.

Оливер внимательно всмотрелся в гостью. Та не двигалась. Плохой знак.

«Рене?»

Он моргнул – раз, другой, она не исчезла, но и не обернулась.

Ну да, у него сегодня выдалось неважное утро, и он действительно ненавидит родео – с тех самых пор, как его отец тринадцать лет назад выиграл в покер арену, где проводятся соревнования ковбоев. Но об этой ненависти знают очень немногие, потому что не может ведь генеральный директор компании-учредителя фирмы «Лоуренс ойл», а также чемпионата по родео «Все звезды» публично заявить, что терпеть не может родео.

Но как об этом узнала Рене?

Она наконец пошевелилась – повернула голову, чтобы взглянуть на Бейли, секретаря Оливера, с растерянным видом вошедшего в кабинет.

– Мистер Лоуренс, извините, – произнес тот, тяжело дыша и бросая на Рене рассерженный взгляд. – Я не успел ее остановить. Она такая шустрая.

«Слава богу, – подумал Оливер. – У меня не галлюцинации». Меньше всего он ожидал увидеть Рене Престон утром понедельника в своем офисе в Далласе.

И тут Рене развернулась, и Оливер увидел гостью в профиль: ее аккуратный нос пуговкой, чуть заостренный подбородок, ее округлый живот, выдающийся вперед...

Минуточку! Она что, беременна?!

Оливер медленно встал из-за стола.

– Рене, что происходит?

– Мне вызвать службу безопасности? – спросил Бейли.

Но Оливер отмахнулся от него:

– Нет, все в порядке. Мы с мисс Престон старые друзья.

Он покривил душой, ведь это ее брат Клинтон был закадычным приятелем Оливера, а Рене была лишь вредной младшей сестрой Клинтона, водившей дружбу с сестрой Оливера Хлоей. Обе девчонки были настоящими сорванцами.

Рене слабо улыбнулась. Оливеру не нравилась эта улыбка. Она показалась ему неестественной.

Он снова посмотрел на платье гостьи. Может, оно лишь кажется темно-синим, а на самом деле – черное? Рене выглядела так, будто по дороге на чьи-то похороны решила заглянуть из Нью-Йорка в Даллас, сделав крюк в пятьсот миль.

– Меня ни для кого нет, – сказал Оливер секретарю.

Если Рене Престон появилась здесь, беременная, в трауре, значит, что-то не так.

Внезапно он вспомнил электронное письмо, полученное им от Клинта Престона. Когда это случилось? То ли два, то ли три месяца назад. С тех пор как отец Оливера, Милт, перевез свою семью из Нью-Йорка в Даллас, Оливер и Клинт почти не поддерживали старую дружбу. И вдруг пришло это странное письмо, отправленное в четыре часа ночи: «Присмотри за Рене, ладно?»

Оливер так на него и не ответил, хотя сперва собирался это сделать. Но, честно говоря, он был в замешательстве. С чего бы ему заботиться о Рене? У нее есть своя семья. Она уже взрослая женщина. Тогда это письмо не показалось ему важным.

Но теперь он уже так не думал.

– Вообще-то, – сказала гостья после того, как Бейли вышел из кабинета, – я теперь Рене Престон-Уиллоуби.

Оливер заставил себя улыбнуться.

– Поздравляю. Не знал, что ты вышла замуж. Хотя, кажется, Хлоя говорила о том, что Рене кого-то подцепила. Но это было давно, еще несколько лет назад, и Оливер тогда был очень занят, пытаясь отобрать семейный бизнес у собственного отца.

Впрочем, это все равно не объясняло Оливеру, почему Рене оказалась сейчас в его кабинете. Когда он видел ее в последний раз? Кажется, пять лет назад, на свадьбе ее брата. Рене еще училась в колледже. Она тогда вызвала любопытство Оливера, потому что сильно изменилась. Маленькая девочка с косичками превратилась в потрясающе красивую девушку в розовом платье подружки невесты. Ее улыбка освещала комнату. Но у Рене уже был свой парень, а Оливер не собирался отбивать чужую подружку. Поэтому он разглядывал ее с безопасного расстояния – болтая у барной стойки с несколькими финансистами с Уолл-стрит – идиотами, искренне полагающими, что в Техасе все только тем и занимаются, что устраивают бесконечные барбекю да растят детей и быков. Ни тогда, ни сейчас все женщины Техаса, вместе взятые, не могли бы скрасить Оливеру необходимость вести семейный бизнес. Кроме того, эти ковбойши, как правило, предпочитали флиртовать с Флэшем, его младшим братом, находя Оливера чересчур серьезным.

После той свадьбы Оливер чуть не передумал возвращаться из Нью-Йорка в Даллас. Он проснулся с жутким похмельем и решимостью сказать отцу, куда тот может засунуть себе свое родео «Все звезды», ведерную ковбойскую шляпу-стетсон и свой идиотский поддельный техасский акцент. Оливеру казалось, что его место – в Нью-Йорке. Но он не мог нарушить слово, данное матери. И тогда Оливер решил бороться за то, чтобы забрать у отца контроль над «Лоуренс индастриз». Старик все еще занимал кресло председателя правления, зато Оливер был генеральным директором всего этого, включая проклятое родео. Но все его попытки перевести корпоративную штаб-квартиру в Нью-Йорк провалились.

Разговаривал ли он с Рене на той свадьбе? Расспрашивала ли она его о родео? Неужели он был достаточно пьян, чтобы сказать правду? Черт!

Даже в этом мрачном темном платье она выглядела самой потрясающей женщиной из всех, что ему встречались. Хотелось запустить пальцы в ее шелковистые волосы, притянуть ее к себе и почувствовать, что она действительно не галлюцинация. Даже ее кожа, казалось, сияла. Но присмотревшись, Оливер заметил, что под глазами Рене залегли темные тени, а пальцы ее левой руки нервно барабанили по бедру.

Только сейчас Оливер осознал, что жадно глазеет на гостью. Он понятия не имел, как долго рассматривал ее. Секунды? Минуты? С того момента, когда ушел Бейли?

Он прочистил горло и произнес:

– Неожиданная встреча. Что привело тебя в Даллас?

Ее неестественная улыбка стала еще более напряженной.

– На самом деле, – глубоко вздохнула она, – я ищу Хлою.

Голос Рене дрогнул, она резко отвернулась, но Оливер успел заметить, как улыбка исчезла с ее лица. Он шагнул вперед, прежде чем понял, что делает. У него возникло странное желание обнять Рене за плечи, чтобы хоть немного облегчить гнетущее ее бремя. Но Оливер этого не сделал. Она ведь пришла не к нему, и ей вряд ли понравится, если ее обнимет мало-знакомый человек. Вместо этого он произнес:

– Сейчас сезон родео. А Хлоя – принцесса родео «Все звезды».

Рене была младшей сестрой его друга, всюду ходившей за своим братом и Оливером по пятам, после она была подружкой невесты на свадьбе Клинта. Но Оливер ничего не знал о ее жизни. Она явно попала в беду, и это его тревожило.

Оливеру постоянно приходилось заниматься решением чужих проблем. Когда его мать, Трикси, лежала на смертном одре, он обещал ей, что приложит все усилия к тому, чтобы сохранить семью от разладов. Вот почему он стал генеральным директором «Лоуренс индастриз» вместо того, чтобы найти себе другую работу, не имеющую отношения к управлению дела своим отцом, братьями и сестрами. Вот почему Оливер все еще торчал в Техасе, а не вернулся в Нью-Йорк. Вот почему он имел дело с этим чертовым родео.

Рене Престон-Уиллоуби в данный момент тоже была проблемой, и Оливер понятия не имел, как ее решить.

– Хлоя сейчас в Линкольне, штат Небраска, потом отправится в Омаху. А после... – Он пожал плечами, хотя Рене не могла этого видеть. – Сейчас ведь сезон родео. Думаю, она вернется в Форт-Уэрт через месяц.

Хлоя уже не первый год открывала и закрывала каждое шоу «Всех звезд». Она месяцами жила на чемоданах, потому что обожала одеваться в блестящий топ и выезжать верхом на арену с американским флагом в руках.

Оливер не представлял, как его сестра может любить родео. Сам он ненавидел это развлечение. Развязное самодовольство ковбоев, запах скота, идиотизм людей, в том числе и его брата Флэша, которые добровольно взбираются на спину необъезженных лошадей и диких быков. Что вообще может в этом нравиться?

Хлоя требовала дать ей возможность доказать, что она может управлять шоу «Все звезды». Однако отец упорствовал, считая, что это под силу только Оливеру, не обращая внимания на нежелание сына иметь дело с родео.

– Я должна была сама сообразить, – ответила Рене чуть дрожащим голосом.

Оливер увидел, как ее плечи поднялись и опали в глубоком вздохе, а затем она повернулась. Лицо Рене казалось бесстрастным.

– Прости, что потревожила тебя. – Теперь ее голос звучал ровно, но Оливеру это нравилось даже меньше, чем ее фальшивая улыбка. – Спасибо, что не натравил на меня службу безопасности. Рада была повидаться с тобой.

Поистине странный день! Рене едва успела войти в кабинет Оливера, и вот она уже распахнула дверь, собираясь уйти.

Он подошел, захлопнул дверь и проворчал:

– Подожди.

Оливер стоял так близко к Рене, что чувствовал тепло ее тела. Надо бы увеличить расстояние между ними. Ради бога, она ведь беременна! Да и кто знает, какие у нее еще проблемы...

Рене медленно обернулась. В этот момент ее лицо оказалось рядом с лицом Оливера. «Можно ее даже поцеловать», – смутно подумал он, глядя в ее голубые глаза, которые в этот момент потемнели.

Рене посмотрела на него сквозь густые ресницы, и Оливер не нашел в себе сил шагнуть назад.

– Почему ты здесь? – спросил он.

Не зная, чего ожидать, Оливер не удивился, когда у нее на глазах выступили слезы – они очень шли к траурному платью Рене. А затем ее рот раскрылся, но вместо того чтобы всхлипнуть, она... рассмеялась.

– Так ты не знаешь! О боже, ты действительно ничего не знаешь?

Неудивительно – ведь Оливер был не в курсе нью-йоркских новостей.

– Не знаю о чем?

Слеза потекла по лицу Рене. Он потянулся, чтобы вытереть ее, а после не отдернул руку, а обхватил щеку Рене, ласково поглаживая ее и мысленно убеждая себя, что это почти можно считать подбадривающим объятием.

– Что случилось?

– О, ничего, – ответила Рене, и в ее голосе прозвучала горечь. – Это просто... – Новое хихиканье закончилось икотой, которая подозрительно напоминала всхлип. – Это была ложь, не так ли? Вся моя жизнь была ложью.

Оливер стер еще одну слезу, прежде чем она успела скатиться по щеке.

– Я не понимаю.

– Неужели? Не могу поверить, что ты не слышал. – Рене закрыла глаза, и он почувствовал, как напряглось ее тело. – Это теперь называют «престонской пирамидой». Наша семейная инвестиционная компания оказалась всего лишь финансовой пирамидой, и она рухнула.

Как так вышло, что Оливер об этом не слышал? Крах нью-йоркской компании «Престон инвестмент стрэтеджиз» стал скандалом не только местного масштаба. Отец Рене – с помощью ее брата и ее лжи – обманул на миллионы долларов сотни тысяч инвесторов по всей стране. Рене думала, что о «престонской пирамиде» знают все. Но ведь не зря же она сейчас в Далласе вместо Нью-Йорка. Ей просто нужно скрыться от репортеров, дежурящих перед ее домом, оказаться вдали от сплетен и угроз, отправиться туда, где люди не смотрят на нее как на дочь Антихриста.

Клинт сказал Рене, что она может доверять семье Лоуренса, Оливер позаботится о ней, но Рене надоело, что ею постоянно командуют. Когда-то Хлоя была ее лучшей подругой. Она всегда умела за себя постоять и обязательно помогла бы Рене. Но Хлои здесь не было. Был лишь Оливер – и выбора не оставалось.

Именно поэтому Рене проскользнула в его кабинет мимо секретаря и сейчас изо всех сил старалась сохранять самообладание, что было ужасно нелегко, учитывая, что Оливер так нежно к ней прикоснулся. Впрочем, он, конечно, отдернет руку, едва смысл услышанного дойдет до него.

Рене всматривалась в его лицо, видя, как на нем отражаются шок и недоверие.

– Твой отец основал финансовую пирамиду? Как это случилось?

Она пожала плечами, понимая, что должна отстраниться от Оливера – ведь тот почти прижал ее к двери своим телом. Но он продолжал гладить ее щеку, и Рене не могла заставить себя прервать эту ласку, еле сдерживаясь, чтобы самой не прижаться щекой к его ладони, прося о большем.

Когда они виделись с Оливером Лоуренсом в последний раз? Кажется, на свадьбе Клинта. Рене вспомнила Крисси Хаган, тоже приглашенную на ту свадьбу. Еще шесть недель назад она считала Крисси своей подругой. На свадьбе Крисси все щебетала о том, какой у Клинта классный друг-красавчик, но Рене разочаровала ее, заявив, что Оливер ужасный зануда.

Ее всегда раздражало, что этот парень смотрит на нее свысока. Он был серьезным и мрачным даже в детстве. Рене никогда ему не нравилась, да и его тоже было трудно полюбить. Она не могла понять, почему Оливер и Клинт так хорошо ладили между собой.

Тогда, на свадьбе, оказавшись рядом с Оливером в баре, Рене попыталась заговорить с ним, спросив о родео. Он тут же зло ответил, что ненавидит это проклятое родео, из чего Рене сделала вывод, что Оливер Лоуренс – не тот, на кого она может положиться.

По крайней мере, так она считала раньше и все еще не знала, права или нет.

Но с Крисси нельзя было не согласиться: Оливер действительно красавчик. Похоже, он – из тех мужчин, которые с возрастом выглядят только лучше. Сколько ему лет? Клинту в тюрьме исполнилось двадцать девять. Наверное, Оливер его ровесник.

Он уже не тот, каким был пять лет назад, – стал крепче, шире в плечах. Теперь Оливер на целых четыре дюйма выше Рене, и кажется таким... серьезным.

«О чем я думаю? – мысленно одернула она себя. – Я здесь вовсе не для того, чтобы вождеть Оливера Лоуренса, а чтобы спрятаться».

Вспомнив, что он задал вопрос про ее отца, Рене ответила:

– Много лет все шло хорошо. Никто ни о чем не догадывался. Отец в отчетах показывал прибыль, достаточную, чтобы люди верили в его ложь. Он убеждал всех вновь вкладывать полагающиеся им дивиденды в акции его компании. Люди соглашались и иногда вносили даже дополнительные суммы. Разумеется, никакой реальной прибыли не было – уж точно не для инвесторов. Все деньги доставались отцу. – Рене заставила себя отвести взгляд. – Нам. Я ничего не знала об этом, но не отрицаю, что тоже пользовалась деньгами, полученными благодаря этой пирамиде. Не могу поверить, что ты не слышал, – повторила она.

Ее терзали гнев и стыд. Рене была очень зла на своих родных и искренне переживала за всех людей, которые были обмануты ее отцом. Он разрушил их жизнь, совершил преступление, чтобы купить себе четвертый загородный дом.

Но хуже всего было то, что Рене и не подозревала об отцовских махинациях.

Оливер молчал. Оглянувшись, Рене увидела, что он стиснул зубы, в его глазах затаилось опасное выражение.

– Ладно, – наконец сказал он. – Значит, твой отец ограбил своих инвесторов на огромную сумму. Догадываюсь, что твой брат тоже имел к этому какое-то отношение?

– Конечно. – Она вздохнула. – Клинт и мой муж оба в этом замешаны.

Внезапно Оливер отступил на шаг.

– Прости, что пропустил твою свадьбу. Как долго ты уже замужем?

– Я больше не замужем.

Рене сделала еще один глубокий вдох и обняла себя за плечи, чтобы собраться с духом. Она больше не позволит Чету причинить ей боль!

– Чет Уиллоуби мертв.

Оливер отшатнулся, будто Рене ударила его, а затем повернулся и начал мерить шагами комнату.

– Я понимаю, что мой вопрос прозвучит слишком прямо, но ты... – Он указал рукой на ее округлившийся живот.

– Четыре с половиной месяца.

О, как ее травил пресса! Уже не одну неделю подряд в каждой газете мелькали статьи под названием «Принцесса «престонской пирамиды» беременна!» Журналисты обожают такие громкие заголовки.

Оливер зарылся пальцами в свои темные волосы.

– Отлично. Ваше семейное состояние оказалось краденым, твой муж, который работал на твоего отца-преступника, умер, оставив тебя беременной. Я ничего не упустил?

В его голосе не звучало осуждение или насмешка, и Рене поняла, что сделала правильный выбор. «Даже если Хлои здесь нет, лучшее, что я могу сейчас сделать, – это находиться как можно дальше от Нью-Йорка, – подумала она. – В Техасе я получу передышку. Это все, что мне сейчас необходимо».

– Кажется, основное ты перечислил. Ах да, моя мать взяла оставшиеся деньги и сбежала в Париж. Это, наверное, важно.

– Да, это тоже имеет значение.

Губы Оливера дрогнули, словно он пытался сдержать улыбку, и Рене не нашла ничего лучше, чем коротко рассмеяться. Он наклонился над письменным столом и потер переносицу.

Будь у Рене в запасе другие варианты, она бы сюда ни за что не пришла. Оливер выглядел так, будто у него и без того был нелегкий день. Он вовсе не обязан ей помогать, но идти больше некуда.

– Ты знаешь все подробности мошеннической схемы своего отца?

Она покачала головой.

– Я активно сотрудничаю со следствием. Власти знают, где я, и могут в любой момент вызвать меня обратно в Нью-Йорк. Мне не разрешено покидать страну ни под каким предлогом.

Это была своего рода сделка. Рене мало что могла сообщить властям, потому что не участвовала в мошенничестве. Родители вслепую использовали ее только в качестве ширмы – красивое личико дочери должно было помогать создавать видимость преуспевающей, добропорядочной семьи. Они ценили в Рене лишь ее внешность. Когда-то это причиняло ей душевную боль, но теперь лишь то, что отец держал ее в неведении, спасало пока Рене от тюремного заключения. Она нужна была властям главным образом для того, чтобы уговорить брата свидетельствовать против отца. Впрочем, Клинт не спешил соглашаться, надеясь, что сможет заключить сделку получше.

Оливер, скрестив на груди руки, внимательно рассматривал Рене. Он так долго изучал ее, не говоря ни слова, что она уже начала опасаться, что Оливер вышвырнет ее вон, посоветовав на прощание вернуться в Нью-Йорк и самой разобраться с проблемами. Но Рене не могла туда вернуться. Просто не могла. Для себя она решила, что, если Оливер ей не поможет, придется отправиться на поиски Хлои.

Бывшие друзья Рене в Нью-Йорке сейчас лишь распускали о ней и ее семье сплетни. Никто не пришел на помощь. С Рене просто перестали общаться, сделав ее объектом насмешек и презрения.

Поэтому, если Оливер сейчас вызовет своих охранников, нельзя его за это винить. Ведь Рене для него – никто. В лучшем случае – полустертое воспоминание из далекого детства.

Когда она уже почти потеряла надежду на то, что Оливер ей поможет, тот вдруг спросил:

– Тебе нужно спрятаться?

– Да, – ответила Рене, и ее сердце забилося быстрее.

Он покачал головой, что-то неразборчиво пробормотал, а затем произнес:

– Мне жаль, что твой муж умер.

«Нельзя говорить плохо о мертвых», – эти слова сказала Рене ее мать перед тем, как исчезнуть с тремя миллионами украденных долларов.

– А мне не жаль.

Рене не смогла сдержать горького смеха.

Оливер на мгновение задумался, его глаза задержались на животе Рене, и она вспыхнула под этим взглядом. Глупые гормоны! Оливер Лоуренс ни капли не интересуется ею как женщиной. Никто в здравом уме не станет сейчас на нее засматриваться. И вообще, придя сюда, она совершила ошибку, потому что теперь токсична для всех вокруг. Взять, например, Оливера. Он – хороший человек, а она в отчаянии чуть не бросилась к его ногам. Но Рене хотелось надеяться, что грязь скандала с «престонской пирамидой» его не замажет.

«Пожалуйста, только не лги мне, – мысленно молила она Оливера. – Пусть даже правда будет жестокой, даже если собираешься меня выгнать взащей».

Все, что ей было нужно, – лишь правда. Она не вынесет еще одного разговора с человеком, лгущим ей прямо в глаза.

– Ладно, – произнес Оливер, оттолкнувшись от письменного стола и подойдя к Рене.

Он положил руки ей на плечи, но не привлек ее к себе, а просто заглянул в лицо и сказал:

– Ладно, давай тебя спрячем.

И она поняла, что сделала правильный выбор.

Глава 2

Оливер попросил секретаря отменить все запланированные на сегодня встречи с деловыми партнерами и оставил инструкции на случай, если кто-то вдруг явится в офис с расспросами, включая отца Оливера – Милта Лоуренса. Никто не должен знать о том, что сюда приходила миссис Престон-Уиллоуби.

Оливер понимал, что у него нет времени возиться с ней. Он пропустит важные встречи, которые гарантированно помогли бы вытащить его отца из загородного дома и заставить вернуться в бизнес. И все ради чего? Чтобы спасти девицу, попавшую в беду? А как еще назвать Рене? У нее с собой из багажа всего один чемодан – и все. Если она собирается провести здесь больше недели, придется покупать ей одежду.

– Мы далеко едем? – спросила Рене усталым голосом.

Оливер никогда не был азартным игроком, но сейчас готов был поспорить, что Рене проведет тут гораздо больше недели.

– Мы направляемся на мое ранчо Ред-Оук-Хилл. В это время дня машин на дорогах немного, так что, думаю, будем на месте часа через полтора.

По меркам Далласа это совсем близко.

– О, – только и обронила в ответ Рене, откинувшись на спинку сиденья.

– Как мне кажется, у тебя есть два выбора, – сказал Оливер, пытаясь рассуждать прагматично. – Можешь либо отдохнуть, пока мы едем, либо подробнее объяснить, что происходит.

Хотя он и понял в общих чертах, что произошло, но многих деталей пока не хватало. Оливер перед отъездом попросил Бейли поискать информацию о «престонской пирамиде» и отправить ему ссылки. Надо будет прочесть эти статьи, потому что вряд ли получится помочь Рене, если не отыщутся смягчающие обстоятельства.

Она громко застонала и ответила:

– Все еще не могу поверить, что ты не видел ни одного выпуска новостей об этой истории!

– Я был занят. Мы сейчас покупаем компанию, производящую насосы, начался сезон родео, а тут еще у отца крыша поехала.

К тому же ни один из бизнес-проектов «Лоуренс индастриз» не был связан с «Престон инвестмент стрэтеджиз» и их проклятой финансовой пирамидой – это Оливер знал точно, потому что четыре года назад отобрал кресло генерального директора семейной компании у своего отца.

– А что с твоим отцом? Оливер пожал плечами.

– Я и сам хотел бы знать.

Милт Лоуренс, еще не старик, всего шестидесяти лет, до сих пор не мог справиться с кризисом, начавшимся у него после смерти его жены Трикси.

Оливер мог бы много порассказать об этом, но Рене здесь не для того, чтобы слушать, как он жалуется на свою семью. У нее самой хватает проблем.

В памяти всплыли строчки электронного письма ее брата: «Присмотри за Рене, ладно?» Нужно было тогда ответить другу, расспросить его...

Оливер ждал. Краем глаза он увидел, как Рене монотонными круговыми движениями потирает большой палец указательным. Если не считать этого, в остальном она казалась спокойной. Слишком спокойной.

Оливер не считал себя экспертом по женской психологии – в этом деле Флэш, его младший брат, мог дать ему сто очков вперед. Но, глядя на Рене, он подумал, что та вот-вот расплчется. Только этого не хватало!

Но она, к его большому удивлению, усмехнулась.

– Почти все уже рассказали в новостях.

Хорошо зная своего секретаря, Оливер подумал, что тот нарочито для него материала о семье Престон на несколько часов чтения. Так что нет смысла заставлять Рене пересказывать то, что уже попало в Интернет, слушая ее дрожащий голос и сражаясь со странным желанием защитить эту женщину.

– Расскажи мне о том, что не попало в выпуски новостей.

– Не попало в новости? – тихо переспросила она, все еще потирая с беспокойством палец. – Знаешь, я считаю, что муж изменял мне.

– Вот даже как? Тогда почему ты вышла за него?

– Мои родители сказали, что мы хорошо смотримся вместе. Чет работал на моего отца, и моя мать решила, что у нас будут красивые дети – словно это единственное, что имело значение. Чет был красивым, галантным, утонченным, страстным. Фотографии нашей свадьбы попали на страницы сайта журнала «Вэнити фэйр». Статья называлась «Сказочная мечта». – Рене горько рассмеялась. – Я хотела, чтобы все было скромно, но мое мнение никого не интересовало. Невеста непременно должна была иметь целых десять подружек, а гостям преподнесли безумно дорогие подарки.

Оливер приподнял бровь, не отрывая глаз от дороги.

– О да! – продолжала Рене. – Каждому вручили пару хрустальных бокалов для шампанского, бутылку «Дом Периньон» и серебряное ведерко для льда от Тиффани с выгравированными на нем нашими именами и датой свадьбы. Хотя всем приглашенным по большому счету было наплевать на нас с Четом.

Она тяжело вздохнула, а Оливер невольно подумал, что в Далласе сливки общества хотя и не упустят тоже возможности продемонстрировать свое богатство – например, у него самого квартира стоит несколько миллионов, а ранчо – в два раза дороже, – но здесь все иначе, чем в Нью-Йорке. В Техасе люди душевнее.

– Да уж, с подарками вы хватили через край.

– Точно. Но это была красивая свадьба. Просто красивая, – пробормотала Рене, и он вспомнил, о чем она только что рассказала: муж никогда не любил ее, не был ей верен. Эта свадьба была одна большая ложь.

– Я такая идиотка! – сказала она несчастным голосом, и это до странности взволновало Оливера. Он так давно не вспоминал о Рене, но теперь, когда она была рядом, чувствовал, что должен ей помочь.

– Вряд ли тебя можно назвать идиоткой. Ты всегда была умнее меня и Клинта. Помнишь тот случай с воздушными шариками, наполненными водой, которыми вы с Хлоей кидались с балкона?

Она слабо улыбнулась.

– Это была идея Хлои, но у меня отлично получалось попадать в цель.

Эта тень улыбки порадовала Оливера. Пусть Рене сейчас нелегко, но он все-таки сумел немного поднять ей настроение.

Оливер прибавил скорость, лавируя в потоке машин на своем «порше-спайдер». Лучшее и единственное, что можно сейчас сделать для Рене, – это доставить ее в Ред-Оук-Хилл. Там она сможет пожить спокойно, обрести самое главное – неприкосновенность частной жизни. «Как только Рене немного обустроится на ранчо, – думал Оливер, – я вернусь в город и попытаюсь разобраться со своим графиком и своей семьей».

– И знаешь еще что? – снова заговорила Рене.

– Что?

– Чет в то утро разбудил меня рано, и мы... – Она прочистила горло. – А после он сказал, что любит меня. От Чета я такое слышала очень редко. Обычно это я говорила ему, что люблю его, а он просто отвечал: «Я тебя тоже». Но в то утро он вел себя не так, как всегда. Услышав от него признание в любви, я удивилась, но ничего не сказала в ответ.

Это было гораздо больше, чем хотел выяснить Оливер, но он молчал, слушая так внимательно, словно от этого зависела его жизнь.

– А затем Чет пошел на работу, отпустил свою секретаршу и вышиб себе мозги из пистолета. Он был трусом. По моим подсчетам, на похоронах присутствовали по меньшей мере пять женщин, которые, возможно, были его любовницами.

– Это довольно много для человека, женатого всего полтора года.

Похоже, Чет Уиллоуби был отъявленным мерзавцем.

– Дело в том, что еще около двух с половиной месяцев я даже не подозревала, что беременна. Когда у меня пропали месячные, я решила, что виной тому стресс. Ну разве это не забавно?

Рене повернулась к Оливеру с широкой фальшивой улыбкой на лице.

– Не совсем.

Ее улыбка исчезла.

– А вот некоторые люди считают, что это самая смешная вещь, которую они когда-либо слышали, и что я получаю именно то, что заслужила. Кроме того, многие считают, что я изменяла Чет и тем довела его до самоубийства. – Голос Рене дрогнул.

– Такие люди – бессердечные трусы, – воскликнул Оливер и подумал: «Хорошо, что Чет Уиллоуби с его смазливой рожей уже мертв, иначе я бы задушил его своими руками. Это каким же негодяем надо быть, чтобы так обращаться с женой!»

– Он знал, что финансовая пирамида вскоре рухнет, и потому покончил с собой. Мать пыталась убедить меня, что это с его стороны было благородным поступком. Она сказала, что будущий ребенок всегда будет мне живым напоминанием о погибшем муже. Можно подумать, я хочу постоянно помнить Чета и его предательство! – горьким тоном закончила Рене.

Наступило молчание. Оливер понял, что Рене заплакала. Ему было больно от мысли, что ей плохо, а он мало чем может помочь.

– Не думаю, что твой ребенок будет напоминанием о том, что случилось, – начал Оливер, осторожно подбирая слова. – Полагаю, он станет свидетельством твоей силы и храбрости. Родные и друзья бросили тебя в трудном положении, но тебя это не сломило. Вот почему ты будешь замечательной матерью.

Рене распахнула глаза и открыла рот, глядя на Оливера. Он продолжал пристально смотреть на дорогу перед собой.

– Ты действительно так считаешь?

Оливер уверенно кивнул.

– Можешь оставаться в Ред-Оук-Хилл, сколько пожелаешь. Я обычно бываю там только по выходным. У меня есть экономка, но я могу дать ей небольшой отпуск, если ты предпочитаешь побыть в одиночестве.

Рене кивнула, пытаясь незаметно вытереть пальцами слезы.

– Живет ли там еще кто-то из твоих родных? Оливер рассмеялся.

– Нет. Ред-Оук-Хилл – мое ранчо. Никто не узнает, что ты там.

– Спасибо, – прошептала Рене, и в ее голосе было так много боли, что, повинуясь порыву, Оливер потянулся и положил ладонь на ее руку.

Рене крепко прижалась к нему.

– Я постараюсь тебе не мешать и не попадаться на глаза, обещаю! Ты меня даже не заметишь!

Их пальцы переплелись, и Оливер усомнился в том, что сумеет не заметить Рене в своем доме. Невозможно находиться рядом с этой женщиной и не любоваться каждым ее движением. «Как только помогу Рене устроиться, уеду обратно в Даллас, – напомнил себе он. – У меня нет времени утешать ее».

«Как бы мне этого ни хотелось», – мелькнула вдогонку предательская мысль.

Глава 3

Рене ожидала, что ранчо Ред-Оук-Хилл окажется длинным приземистым строением, стоящим посреди пыльных коровьих пастбищ. Но Оливер остановил свой красный спорткар перед грандиозным особняком, расположенным на вершине небольшого холма и словно сошедшим со страниц глянцевого журнала. Коров нигде не было видно. Высокие дубы отбрасывали длинные тени под лучами жаркого техасского солнца.

Что-то белое виднелось на глади небольшого пруда в стороне от подъездной аллеи.

– Это... лебеди?

– Фред и Уилма? Да. Они достались мне вместе с домом.

У Рене сегодня был ужасный день, но почему-то идея, что Оливер унаследовал пару лебедей, заставила ее захихикать.

– Ты сам назвал их в честь героев мультика о Флинстоунах или эти клички дал им прежний владелец?

Он вскинул бровь.

– Не знаю, есть ли смысл вообще давать лебедям клички – все равно они на них не отзываются. Но... – Оливер пожал плечами, и в его глазах блеснуло озорство. – Мне показалось, они немного похожи на Фреда и Уилму. А еще в этом году у них вывелись птенцы – Пибблс и Бамм-Бамм.

Рене не припоминала, чтобы Оливер ранее отличался чувством юмора. Неужели он всегда был таким веселым? В ее воспоминаниях он остался скованным и ворчливым пареньком. Рене и Хлоя считали Оливера Лоуренса занудой и брюзгой.

Но действительно ли такова была его натура? Она снова вспомнила о случае, который он упомянул. Рене с Хлоей, стоя на балконе, затеяли бросаться в Оливера и Клинта воздушными шариками с водой. Но мальчишки в ответ притащили садовый шланг, и Оливер окатил из него проказниц...

– Ты в порядке?

Рене моргнула, возвращаясь к реальности, и увидела, что Оливер открыл дверь спорткара и, протянув руку, ждет, когда пассажирка выйдет.

Края его губ приподнялись в легкой улыбке. Рене только сейчас поняла, что во все глаза смотрит на Оливера. Боже, в какое идиотское положение она себя поставила! Впрочем, ей не привыкать попадать в просак.

– Я... не знаю, – честно ответила она, инстинктивно почувствовав, что перед Оливером не нужно притворяться, изображая уверенность.

– Иди сюда.

Взяв Рене за обе руки, он помог ей выйти из автомобиля, а затем, глядя ей в глаза и не отпуская ее рук, признался:

– Пару месяцев назад я получил письмо от твоего брата. В нем говорилось лишь о том, что я должен позаботиться о тебе. Прости за то, что не исполнил его просьбу. Если бы я знал...

Рене не знала, смеяться или плакать. Оливер Лоуренс извиняется! Перед ней! Ей не нужны были его извинения, и все-таки на сердце стало легче. Все остальные бросили ее. А этот человек – старый знакомый, всего лишь друг детства – сожалел, что не смог помочь ей раньше.

Или что-то подобное люди говорят, когда хотят приукрасить неприятную правду? Искренен ли сейчас Оливер? Рене надеялась, что это так. Она моргнула и задумалась над странным побуждением прикоснуться к нему, обнять его. Обнимет ли Оливер ее в ответ? Проникнет ли тепло его тела сквозь ее одежду и железную броню, за которой Рене спряталась от всего мира? Или Оливер на мгновение замрет, а затем как можно вежливее высвободится из ее объятий, чтобы защитить ее чувства? Кто знает...

В этот момент один из лебедей курлыкнул, и этот звук вывел Рене из задумчивости.

– Пойдем, я покажу тебе дом, – сказал Оливер, выпуская ее руки из своих, и начал вынимать ее чемодан из машины.

Рене оглянулась на особняк. Три с половиной этажа красного кирпича и большой полукруглый, белого дерева балкон, с которого открывается вид на пруд. Шпалеры увиты желтыми розами, наполняющими воздух сладким ароматом.

Недвижимость семьи Престон, как и все остальное ценное имущество, теперь была арестована. Наверное, после завершения всех судебных процессов и вынесения приговоров вещи, драгоценности и произведения искусства будут проданы на аукционе, а деньги – возвращены обманутым инвесторам. Этой суммы, конечно же, не хватит, но у Рене, разумеется, не было лишнего миллиарда или около того, чтобы покрыть все убытки, причиненные ее семьей.

Она даже не сохранила свое обручальное кольцо с бриллиантом в три карата, которое приставы предложили ей пока оставить у себя, но Рене была только рада отдать его, потому что ее брак был сплошной ложью и бесчестьем...

Вестибюль особняка Оливера был отделан полированными панелями красного дерева. Широкая лестница вела на второй этаж. Справа на первом этаже находился кабинет с большим письменным столом, диванами, обитыми коричневой кожей, и персидским ковром.

Показав Рене свой кабинет, Оливер начал подниматься по лестнице, затем остановился, дожидаясь, когда гостья поравняется с ним.

– Ты в порядке?

В этот момент Рене пожалела о том, что приехала сюда. Да, Оливер – настоящий джентльмен и на удивление отзывчивый друг. Да, этот особняк у пруда с парой лебедей – идеальное убежище для беглянки. Но она не могла избавиться от чувства, что поставит Оливера под угрозу, оставшись тут.

Рене не сделала ничего плохого, но ее доброе имя было запачкано грязью, и все, что она делала, все, к чему прикасалась, было испоганено грехами ее семьи и ее мужа. Рене боялась причинить вред Оливеру или Хлое.

– Рене? – Оливер шагнул к ней на пару ступеней вниз и коснулся ладонью ее щеки.

Рене понимала, что должна отстраниться. Это неправильно, что Оливер заботится о ней. И тем более неправильно испытывать к нему влечение.

– Прости, – сказала она.

Он посмотрел на нее с недоумением.

– У тебя сегодня выдался нелегкий день. Давай я покажу твою спальню. Тебе нужно отдохнуть.

И хотя Рене знала, что не должна говорить этих слов, она все-таки прижалась теснее щекой к ладони Оливера и спросила:

– Ты еще будешь здесь, когда я проснусь?

Его большой палец погладил ее скулу так нежно, что Рене невольно зажмурилась. Когда в последний раз кто-то касался ее с такой заботой и лаской? Чет Уиллоуби не был способен на нежность, если проявление этого чувства не сулило ему выгоду. Но уж Оливеру точно нет никакой выгоды от пребывания здесь всеми гонимой Рене – он лишь рискует, связываясь с ней.

У нее чуть не вырвался вздох облегчения, когда Оливер убрал свою ладонь с ее щеки. Но затем он поставил чемодан на ступеньку и обнял Рене.

– Я с тобой, – сказал он, подхватив ее на руки, и понес вверх по лестнице. – Все в порядке. Я с тобой.

Рене склонила голову на плечо Оливера. «Все в порядке»? Увы, это не так. Все плохо, и, возможно, никогда ее жизнь уже не наладится. Но сейчас, пока она в объятиях Оливера, все хорошо...

Оливер уложил Рене на кровать, прямо на покрывало, и снял с нее туфли. Она тут же повернулась на бок и закрыла глаза. Оливер бросился в соседнюю спальню, стянул там покрывало с кровати, чтобы укрыть им Рене. К тому времени, когда он вернулся, она уже спала. Дыхание ее было ровным, лицо расслабленным.

Он заботливо ее укрыл. Рене вздохнула во сне, но не пошевелилась. Внезапно у него в кармане завибрировал сотовый телефон, поставленный на беззвучный режим. Оливер подумал, что звонит, наверное, Бейли, его секретарь, чтобы сообщить, что выслал запрошенные документы и материалы. Придется немного поработать, чтобы сгладить последствия отмены назначенных на сегодня деловых встреч – особенно встречи с Хербом Риттером.

Риттер был бизнес-партнером «Лоуренс индастриз» уже около тридцати лет. Своенравный и раздражительный, он зато отлично разбирался в нефтяном бизнесе, а еще был лучшим другом Милта Лоуренса с тех пор, как семья Лоуренс переехала в Техас. Оливеру приходилось не только держать под контролем отца, но еще и иметь дело с Риттером, что было сущим наказанием.

Оливер сдержал обещание, данное матери, – не позволял отцу надеть глупостей, управлял семейным бизнесом и проклятым родео вместо того, чтобы делать то, что ему нравится. Впрочем, он даже не мог сказать, чем бы предпочел заняться, будь у него возможность пожить для себя.

Телефон снова завибрировал в кармане, напоминая о неотложных делах, но Оливер все никак не мог заставить себя отойти от кровати, на которой лежала Рене.

Боже, как эта женщина прекрасна! Да, она выглядит усталой, измученной волнениями, но все равно остается красавицей. Вот бы повернуть время вспять и снова оказаться на свадьбе Клинта, завязать роман с Рене! Тогда бы ей не пришлось сейчас испытывать такое горе.

Оливер осторожно откинул прядь волос со лба Рене, и тут мобильник опять напомнил о себе. Проклятье! Пора идти. Оливер наклонился, нежно поцеловал Рене в щеку и лишь потом заставил себя выйти из комнаты.

Усевшись за письменный стол в своем кабинете, он снял галстук, взял бутылку пива и включил компьютер. В ящике электронной почты дожидались прочтения восемнадцать писем.

Жестокая правда заключалась в том, что у Оливера не было времени заботиться о Рене Престон-Уиллоуби. Он управлял крупной нефтяной компанией, за которую боролся с отцом, и в результате получил ее. Он планировал осваивать новые направления, инвестируя в солнечную, ветровую и гидроэнергетику. К тому же сезон проклятого родео только что начался. Бизнес сейчас требовал его полного внимания.

«Ты еще будешь здесь, когда я проснусь?» – эта искренняя просьба была единственной причиной, по которой он сидел сейчас в своем кабинете на ранчо, а не направлялся обратно в офис в центре Далласа.

«Я побуду здесь лишь до момента, пока Рене не освоится в доме, – рассуждал Оливер. – Она ведь еще не видела кухню».

Он решил, что оставит Рене не раньше, чем убедится, что с ней все будет в порядке.

За два последующих часа Оливер уже гораздо тщательнее разобрался в ситуации, сложившейся вокруг «престонской пирамиды», изучив высланные секретарем материалы.

Компанию «Престон инвестмент стрэтеджиз» обвинили в том, что она мошенническим образом присвоила средства инвесторов на сумму более сорока пяти миллиардов долларов за двадцать лет. Глава компании, Дарин Престон, отец Рене, уже два месяца сидел в тюрьме, не имея возможности выйти под залог, потому что его жена сбежала с оставшимися деньгами. Клинтон Престон также находился за решеткой, и ему власти предлагали сделку: смягчить приговор, если Клинт даст показания на отца. Чет Уиллоуби, зять Престона, совершил самоубийство четыре с половиной месяца назад. Связь между этим самоубийством и финансовой

пирамидой стала ясна только после ареста Клинта и Дарина Престонов, а также большинства сотрудников «Престон инвестмент стрэтеджиз».

Бейли основательно прошерстил Интернет в поисках сведений. Помимо статей из солидных финансовых изданий, он приложил ссылки и на желтую прессу. В ней статьи пестрели высказываниями друзей и знакомых, ругающих Рене и ее мать. Все обсуждали, знала ли Рене, что ее родные были мошенниками, или была слишком тупой, чтобы это понять. В любом случае все материалы были разгромными, а фото, сделанные папарацци, – ужасными: на них Рене выглядела нелепее и некрасивее, чем в жизни.

Оливер бросил просматривать эти мерзкие статьи, потому что они его уже начали злить. Ну и гадость!

Но как, черт возьми, Дарин Престон умудрялся столь долго обманывать людей? Как Клинт, неплохой парень, позволил втянуть себя в эти махинации? Оливер ничего не понимал.

В этот момент опять кто-то позвонил по телефону. Оливер взглянул на экран мобильного. Отец.

– Да, папа? – произнес он в трубку, закрывая в браузере компьютера вкладки со статьями.

– Ты ужасно разозлил Херба Риттера, сынок, – заявил отец с сильным техасским акцентом. – Думал, у тебя хватит ума этого не делать.

Оливер закатил глаза. Отец родился и вырос в Нью-Йорке, хотя его семья приехала из Техаса. Дед Оливера – Митчелл – покинул Техас, когда созданная им компания «Лоуренс майн индастриз», предшественница «Лоуренс индастриз», сделала его мультимиллионером.

Отец не был настоящим техасцем, хотя обожал им прикидываться. Милт жил в Нью-Йорке до сорока лет. Затем, лет тринадцать назад, он приобрел в Техасе дом и начал проводить тут не более нескольких недель в году.

– Я извинился перед Риттером, – ответил Оливер ровным тоном. – Мы уже перенесли встречу на другой день.

– Ничего хорошего из этого не выйдет.

Оливер стиснул зубы и решил сменить тему, прежде чем этот телефонный разговор превратится в громкий спор.

– Папа, ты слышал о Дарине Престоне?

Милт помолчал, а затем сказал:

– Об этом мошеннике? Я никогда не доверял его предложениям слишком быстрого обогащения. Кажется, о нем недавно рассказывали в новостях?

– Да.

Оливер решил не говорить отцу, что Рене сейчас находится на ранчо. В конце концов, он обещал ей уединение – единственное, что было в его силах ей обеспечить.

– А почему ты спрашиваешь о нем?

Оливер решил ответить уклончиво:

– Я получил странное письмо от Клинта. Кажется, он помогал отцу обманывать инвесторов.

– А вот это очень скверно, – заметил Милт. – Клинт был хорошим парнем. И его сестра... Как ее звали?

– Рене.

– Да, Рене. Она и Хлоя отлично ладили. Трикси... – Он замолчал и прочистил горло – даже после стольких лет, прошедших после смерти его горячо любимой жены, глаза отца всегда наполнялись слезами при упоминании ее имени. – Она обожала Рене и всегда брала обеих девочек с собой, когда ездила по магазинам. Она и к Клинту хорошо относилась, но на Рене просто надыхаться не могла. Твоя мать, упокой, Господи, ее душу, недолюбливала Ребекку и Дарина Престон. А уж тебе-то известно, что она отлично разбиралась в людях.

Дети Престонов часто бывали у Лоуренсов, а вот к себе в гости Клинт Оливера не приглашал. Лишь несколько раз друзья тихонько проскальзывали на несколько минут в спальню Клинта, чтобы взять бейсбольные карточки или диск с видеоигрой и снова вернуться к Лоуренсам.

Тогда это не казалось Оливеру странным. Но что, если за этим скрывалось что-то большее? Клинт шептал ему, что они должны вести себя очень тихо – он не хотел, чтобы его мать узнала, что они в доме. Нельзя было шуметь и ничего трогать. Только сейчас Оливер задумался над тем, не боялся ли Клинт собственной матери...

– Я прочел в Интернете, что миссис Престон убежала в Европу с остальными деньгами.

– Черт! Вот ведь семейка, а? Дети Престонов были хорошими детьми, но от ребенка мало что зависит, когда он воспитывается в змеином логове. Жаль, что Рене и Клинт оказались в этом замешаны. По крайней мере, тебе больше повезло с родителями.

Милт прочистил горло.

– Да, это так, – выдавил Оливер.

Теперь поступки отца чаще всего вызывали у него разочарование и горечь, но раньше, пока мама не умерла, Оливер любил обоих своих родителей. Целых пятнадцать лет семейство Лоуренс наслаждалось счастьем, здоровьем и благополучием.

Оливер пообещал матери, лежащей на смертном одре, что позаботится о семье. Пусть он и его родные уже не так счастливы и богаты, как прежде, зато, слава богу, все они здоровы и не сидят в тюрьме, что уже неплохо.

Но этого, похоже, недостаточно для его отца – и никогда не было. Когда Милт снова заговорил, в его голосе прозвучала фальшивая бодрость:

– Ты закончил переговоры со спортивным каналом о запуске передачи про наше шоу «Все звезды»?

– Сегодня мне пришлось перенести встречу с ними из-за непредвиденных обстоятельств. Пусть Хлоя ведет эти переговоры. Разреши ей. Она делает большие успехи.

– Она – принцесса родео и выпускает дизайнерскую одежду, – напомнил Милт, как будто Оливер мог это забыть. – Не хочу, чтобы этот Пит Веллингтон приближался к ней.

Оливер закатил глаза. Пит Веллингтон нравился ему не больше, чем отцу, но Пит был настоящим ковбоем и никогда бы не позволил себе поднять руку на женщину.

– Он не причинит Хлое вреда.

Уже не первый раз в голове Оливера мелькнула мысль о том, не продать ли часть акций шоу «Все звезды» обратно семье Веллингтон. Все-таки оно принадлежало им, пока отец Пита, Дэйви, не проиграл его в покер. Пит до сих пор не простил этого ни отцу, ни Милту и пылал злобой к любому, кто носит фамилию Лоуренс.

Оливер бы с радостью уступил долю в родео-шоу Питу. Да если бы он знал, что это поможет, то даже нанял бы Пита ведущим шоу! Вот только гордость этого ковбоя не позволит ему согласиться на такое предложение. Пит считал, что Милт Лоуренс украл у его семьи родео «Все звезды», и требовал вернуть шоу на одном условии: или все, или ничего. Соответственно, он до сих пор не заполучил желаемое обратно, хотя Оливеру эта победа Лоуренсов казалась больше похожей на проигрыш.

– Хлоя прекрасно провела бы переговоры, – предпринял Оливер еще одну попытку убедить отца.

Сестра очаровала бы весь отдел маркетинга спортивного канала. И Милт тоже это прекрасно понимал, но, как обычно, проигнорировал предложение сына.

– Хлоя исполняет свои обязанности, а ты исполняй свои.

Еще раз прочистив горло, отец повесил трубку. «Родео – очень выгодный бизнес», – напомнил себе Оливер, как делал каждый раз, когда ему приходилось иметь дело с этим про-

клятым шоу. Да, в течение последних шести лет оно стабильно приносило доход. Но это не вовсе не означало, что Оливер обязан любить это чертово родео!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.